

Раму онъ просилъ лакачать декадентскую, такъ какъ жить, по его выраженію, въ эпоху декадентства. Помѣстить портреты желалъ справа у камина.

Послѣ 20 сентября все было готово къ отъѣзду Николай Николаевича и Валентины Сергѣевны въ Ниццу, но какъ разъ въ это время наступило серьезное ухудшеніе въ его состояніи. Валентина обострилась сначала насморкомъ и гриппомъ, а съ 27 сентября крупнымъ воспаленіемъ легкаго, котораго онъ вынести не могъ.

25 сентября, въ день приходскаго храмового праздника, въ санаторіи были священники и ходили по всѣмъ комнатамъ со св. водой. Увидавъ его, Николай Николаевичъ сказалъ своей женѣ: „Не напоминае ли это для меня, что мнѣ нужно причаститься?“.

Всѣ эти дни до 28 сентября были днями самыхъ большихъ страданій для Николая Николаевича; два послѣднихъ дня онъ уже страдалъ меньше.

28 сентября утромъ, послѣ мучительной ночи, Николай Николаевичъ съ поразительнымъ спокойствіемъ и самообладаніемъ передалъ женѣ своей всѣ свои послѣдніе желанія и распоряженія въ мельчайшихъ подробностяхъ.

Въ этотъ день къ нему былъ вызванъ профессоръ Шервинскій, котораго онъ встрѣтилъ словами: „Васъ, знаменитостей, всегда зовутъ къ умирающимъ“. Шервинскій остался подъ впечатлѣніемъ спокойствія, съ какими были сказаны эти слова. Онъ призналъ положеніе безнадежнымъ, однако очень поощрилъ Николая Николаевича и придалъ ему надежды, которая оставила его окончательно только 29 сентября утромъ, когда уже никто больше ему не протпворѣчилъ.

Утромъ 28 сентября Николай Николаевичъ исполнилъ свое желаніе: причастился и послѣ этого сталъ настолько бодрѣть, что слушать чтеніе газеты, говорить о политикѣ и мечталъ объ отъѣздѣ за границу. У всѣхъ какъ-то, противъ ожиданности, воскресли надежды, но къ вечеру онъ такъ ослабъ, что болѣе не могло быть сомнѣній относительно близости конца.

29 сентября утромъ Николай Николаевичъ простился со всѣми его окружающими, благословилъ свою семью, трогательно благодарилъ докторовъ за ихъ сердечный и самоотверженный уходъ, вспомнить всѣхъ близкихъ, друзей, знакомыхъ, старался всѣмъ поименно послать свое прощальное слово.

Съ любовью и почитаніемъ произнесъ онъ имя своего Господаря, сказавъ: „Я всегда былъ Его вѣрнымъ слугою!“.

Вспомнилъ также и своихъ слугъ и Яхинскихъ, крестивъ, которымъ навѣщалъ каждому дать свой портретъ на память, сказавъ: „Я люблю своихъ мужиковъ“.